

МУРАТОВА Елена Юрьевна (*Витебск, Беларусь*)

доктор филологических наук, профессор
Витебский государственный университет
имени Петра Мироновича Машерова
mouratova@tut.by

РОЛЬ ФОНЕТИЧЕСКИХ И ГРАММАТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В СОЗДАНИИ ОБРАЗНОСТИ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Аннотация. В статье исследуются потенциальные эстетические и художественно-смысловые возможности фонетических и грамматических средств в поэтическом тексте. Доказывается, что фонетическая значимость проявляется в специальной организации звуковой формы поэтического текста, в котором частотность и группировка фонем может отличаться от норм общей речи. Рассматривается специфика грамматических средств: на уровне морфологии новые дополнительные смыслы в поэтическом тексте могут возникать за счет варьирования форм лица; в результате окказионального формообразования форм множественного числа у существительных *singularia tantum*, абстрактных, вещественных и собирательных в лексеме проявляются новые оттенки значения, влияющие на образность и смысл поэтического текста; выявляется синкретизм частей речи, нелинейные сочетания лексем в поэтическом тексте.

Ключевые слова: фонетический уровень, категория лица, нелинейные сочетания лексем.

Abstract. The article examines the potential aesthetic and artistic-semantic possibilities of phonetic and grammatical means in a poetic text. It is proved that the phonetic significance is manifested in the special organization of the sound form of the poetic text, in which the frequency and grouping of phonemes may differ from the norms of general speech. The specificity of grammatical means is considered: at the level of morphology new additional meanings in a poetic text can arise due to the variation of person forms; as a result of the occasional formation of plural forms in the nouns *singularia tantum*, abstract, real and collective, new shades of meaning appear in the lexeme, affecting the imagery and meaning of the poetic text; syncretism of parts of speech, nonlinear combinations of lexemes in the poetic text are revealed.

Keywords: phonetic level, person category, nonlinear combinations of lexemes.

Художественная образность и смысловая насыщенность поэтического текста создается не только за счет лексического ряда, различных тропов и фигур, но также при помощи фонетических и грамматических средств.

Звуковая форма поэтического слова может быть источником смысловых ассоциаций, т. е. возможна ее актуализация в опреде-

ленных условиях поэтического контекста. Как писал Борис Пастернак, «музыка слова – явление совсем не акустическое и состоит не в благозвучии отдельно взятых гласных и согласных, а в соотношении значения речи и ее звучания» [1: 213].

В поэзии асимметричный дуализм языкового знака, сдвиг между означаемым и означающим выражается в наибольшей степени. Это объясняется тем, что в поэтическом тексте важную роль играют не только сегментные, но и суперсегментные признаки (слоговость и ударение). «В стихотворной форме все признаки означающего представлены как значимые, актуальные, языковая форма означающего явлена целиком, она самодостаточна и не нуждается в какой-либо поддержке со стороны внеязыкового мира» [2: 30].

Актуализация фонетического значения слова может осуществляться разными способами. Это может быть сближение или, наоборот, намеренное расподобление слов, различающихся только одним звуком: *Помилуйте, такая **одаренность!** / Сквозь дождь! И растояний **отдаленность!**; Звана **сирень** – ослышалась **свирель**. Ждет не **хлыста**, а **хлыща** (Б. Ахмадулина); Здесь, меж вами: **домами**, деньгами, **дымами**, / **Дамами**, **думами**; В листве бы, в плюще бы, **в плюще** – как в **плаще** бы; **Цвет**, попранный **светом**. / **Свет** – **цвету** пятой на **грудь**; **Стол** всегда утверждал, что – **ствол**; **Божеству** ли с **убожеством** / Спорить?; В **поте** – **пишущий**, в **поте** – **пашущий!**; Не для льстивых этих **риз**, лживых **ряс** (М. Цветаева); **Есть соль** земли. **Есть сор** земли. / Но сохнет сокол без змеи; ...им – **колоситься**, **токовать**. / **Ей** – **голосить** и **тосковать** (А. Вознесенский).*

«Языковая игра» на фонетическом уровне может осуществляться посредством повторов с зеркальным отражением звуков: *Под*

твоим перстом, что господень хлеб, / Перемалываюсь, переламываюсь (М. Цветаева); Мы – тамтамы гомеричные с глазами го-ремычными, / клубимся, как дымы, – мы (А. Вознесенский).

Заметным художественным приемом в поэзии является повтор одного или нескольких звуков: *Черная чернь навстречу чванится; Шей не шей, а все по швам! (М. Цветаева); Не бывает саней в этом сиром снегу; Но зачарован мой чулан. / Всего, что вне, душа чуралась, / пока садовник учинял / сад; чудо-лунность и чуланность (Б. Ахмадулина); Мы наших милых в объятьях душим, / но отпечатываются подушки / на юных лицах, как след от шины (А. Вознесенский); Бузина, без ума, без ума / Я от бус твоих, бузина; Ипполит! Ипполит! Болит! / Ипполит, это хуже пил! / Ипполит! Ипполит! В плен! / Ипполит! Ипполит! Пить! / Ипполит, утоли (М. Цветаева); Вместо каменных истуканов / стынет стакан си-невы – / без стакана (А. Вознесенский); Сколько времени еще осталось / Мне брести до станции Усталость?; Испуганно цер-ковь крепила свой крест кулаком колокольни... (М. Светлов).*

Как показывают приведенные выше примеры, фонетическая значимость проявляется в специальной организации звуковой формы поэтического текста, в котором частотность и группировка фонем может отличаться от норм общей речи. «Эта норма, – пишет Ю.М. Лотман, – реализуется особым образом – незаметностью. Пока мы не замечаем той или иной стороны языка, можно быть уверенным, что построение ее соответствует нормам употребления. Нарочитое сгущение в употреблении того или иного элемента делает его заметным, структурно активным» [1: 61].

Таким образом, в поэтических текстах проявляется содержа-тельность фонетического уровня, влияющего на самоорганизацию

новых смыслов, что, как представляется, объективно присуще языку поэзии.

Хотя грамматика представляет собой строго организованную систему, тем не менее она также способна реализовать динамические потенции поэтического языка. Это эстетические возможности переносного употребления грамматических форм, окказиональное слово- и формообразование, различные случаи синкретизма, семантизация и актуализация служебных частей речи, концентрация / отсутствие форм разных частей речи, нестандартная сочетаемость лексем и др.

Например, новые дополнительные смыслы в поэтическом тексте могут возникать за счет варьирования форм лица: *Кто был Женя Евтушенко? / В твоих рощах, комсомол, / он внезапно, словно щепка, / после вырубок расцвел* (Е. Евтушенко); *Вот мы лежим. Нам плохо. Мы больной... Чем я, больной, так неприятен мне, / так это тем, что он такой неряха...; Он гудит себе гудит, / веточки качает. / На пенечке кто сидит? / Я сидит, скучает* (Л. Лосев). Здесь мы наблюдаем «наложение» обозначения себя как субъекта речи и одновременно как объекта восприятия. Такой симбиоз рождает смыслы отчуждения от своего Я, деперсонализации человека.

Своеобразно проявляется в поэзии категория числа. В результате окказионального формообразования форм множественного числа у существительных *singularia tantum*, абстрактных, вещественных и собирательных, в лексеме проявляются новые оттенки значения, влияющие на образность и смысл поэтического текста. Например:

Тьмам цветений назначил собор Валаам; ... средоточье черных **магий**; За это – столько **упоений**, / и две зари в одном окне; Над бредом, бегом – над **Бегами** / есть плющ и плен; Лишь грамота и вы – других не видно **родин**; Из чуждых **пекл**, где закипает Нил; Друг столб, половина изъята из верстки / метелей моих при тебе и **теплыней**; Каких лекарств, **мещанств** / наелась я, чтоб не узнать Гвидона? (Б. Ахмадулина);

...и ты поверь – не лучше прочих **рабств** / быть в рабстве и у собственных страданий; Вместо стройматериала – / лишь **стыды, стыды, стыды**; Весь **чечнями**, / как шершнями, / покусан, / оробел (Е. Евтушенко).

В поэтических текстах важную художественную роль может играть синкретизм частей речи, т. е. прилагательное в функции существительного и под. Рассмотрим использование наречий в функции существительного:

За пошлость измены! / *За страшную цену* / *красивою быть*, да еще современной... об все деловые постели, **об все «невозможно»**, / **об «тесно»**, / **об стену!** (А. Вознесенский); ... качать... / Сначала куклу, а потом **Не куклу, а «почти»** (М. Цветаева); Два мрачных **исподлобья** сведены / в неразрешимой и враждебной встрече (Б. Ахмадулина).

Необходимо отметить, что подавляющее большинство наречий и предложно-падежных сочетаний, используемых в функции существительного, отражают две основополагающие категории действительности – пространства и времени. Особенно активны в этом плане темпоральные наречия *всегда, сейчас, тогда, потом, однажды* и под.: Из **Всегда в Теперь** – / **Полный звук уловить** (А. Лысов); – **Отче, возьми в назад**, / **В жизнь свою, отче!**; **Помню... все**

прощанья у ворот. / Все однажды (М. Цветаева); *За все! За Дождь! За после! За тогда!* / *За чернокнижье двух зрачков чернейших...* (Б. Ахмадулина).

Проанализируем следующий пример из лирики А. Вознесенского: *Ребята – при часах, / девчата – при серьгах, / живите – при сейчас, / любите – при Всегда, / прически – на плечах, / щека у свитерка, / начните – при сейчас, / очнитесь – при всегда.*

В узуальном употреблении наречие *всегда* обозначает длительный (или даже вечный) процесс; наречие *сейчас* – некоторое точечное сиюминутное событие. В данном контексте между лексемами снимается оппозиция длительность / точечность: и *сейчас*, и *всегда* передают длительность за счет предлога *при*. В узуальном употреблении наречие *сейчас* смысл длительности и вечности не имеет, он возник за счет использования наречия в качестве существительного и влиянии на него другого наречия *всегда* также в функции существительного. Причем в таком представлении длительность (отношений, любви, молодости) передается как нормальное и должное быть состояние мира и взаимоотношения людей.

Возникновение нового смысла на более высоком уровне абстракции наблюдается в поэтическом языке при нелинейной сочетаемости лексических единиц, которые могут представлять собой любые знаменательные части речи. Нелинейные отношения возникают при нестандартной, не принятой в узусе сочетаемости лексем. Приведем примеры из творчества А. Вознесенского:

Шло убийство по шумной Битце, / шло, жуя пирожок незло; Его оппонент в полемике выпрыгнул из своих зубов; ... коричнево изгибался чай...; Я шел по берегу любви...; Ты страстно, как

молитвы, / читаешь километры. / Твой треугольный кроль / бескрайнюю разлуку молотит, как котлеты...; Затопите печаль в моем доме! / Поет прошлое в кирпичках. / Все гори, синим пламенем, кроме – / запалите печаль!; Потянуло кайфом; Как стеклодув, / он выдул фонари...; В этот дом приходит опасно. Вечное / командорское присутствие Маяковского / сплющивает ординарность.

Данные сочетания репрезентируются в сознании как сложные концептуально-когнитивные структуры: каждое такое сочетание не только рождает новый художественный смысл, но и вбирает в себя, одновременно и органично, все логические противопоставления, часто несовместимые с точки зрения обыденного сознания с реальной жизнью.

Неузуальные связи в данных примерах являются свернутой пропозицией, не складывающейся из лексических значений представленных слов: пропозиция «разворачивается» не в самом тексте, а в подтексте за счет трансмерного перехода значений соположенных лексем. Возможности для этого потенциально существуют в системе общенационального языка, но их реализация – специфична и эстетически востребована только в языке поэтическом.

Таким образом, фонетические средства в поэтическом тексте могут быть источником смысловых ассоциаций. Грамматический уровень поэтического текста является эстетически нагруженным, обладающим собственным семантическим потенциалом, который реализуется в результате модификации морфологических значений знаменательных и служебных частей речи. Нелинейные сочетания в поэтическом тексте не только рождают новые художественные смыслы, но и вбирают в себя логические противопоставления,

часто несовместимые с точки зрения обыденного сознания с реальной жизнью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий: пособие для учителя. Л.: Просвещение, 1980. 236 с.
2. Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль: общие вопросы. Звуковая организация текста / В.П. Григорьев [и др.]; отв. ред. В.П. Григорьев. М.: Наука, 1990. 300 с.
3. Пастернак Б. Люди и положения: автобиографический очерк // Об искусстве. «Охранная грамота» и заметки о художественном творчестве. М.: Эксмо, 2008. С. 192-238.

ОДИНЦОВА Ирина Владимировна (*Москва, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный университет
имени Михаила Васильевича Ломоносова
odintsova.irina@gmail.com

«СОБОРНОСТЬ» КАК ДОМИНАНТА РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ (в аспекте лингводидактики)

Аннотация. В статье рассматривается понятие «соборности» в качестве одной из доминант русской языковой ментальности. Категория соборности, предполагающая общинность человеческого сознания, согласованность себя с другими, с одной стороны, находит отражение в русской языковой картине мира, с другой – формирует ментальность русского человека. В статье рассматриваются некоторые языковые явления, представляющие трудности в практике преподавания русского языка иностранным учащимся, в которых эта категория находит отражение.

Ключевые слова: соборность, ментальность, категория неопределенности, категория безличности, фонетика, слитность произношения.

Abstract. The article examines the concept of "collegiality" as one of the dominants of the Russian language mentality. On the one hand, the category of collegiality, which presupposes the community of human consciousness, the co-ordination of oneself with others, is reflected in the Russian linguistic picture of the world. On the other hand, it forms the mentality of the Russian person. The article examines some linguistic phenomena in which this category is reflected and which present difficulties in the practice of teaching Russian as a foreign language.

Keywords: collegiality, mentality, category of uncertainty, category of impersonality, phonetics, fusion of pronunciation.